

Роли у меня только хорошие

*Монте-Кристо,
Гамлет, Ланцелот —
В. Авиллов играет
только роковых героев*

Возможно, потому что во внешности самого Виктора Авиллова, актера московского Театра на Юго-Западе, есть нечто демоническое. Вот и сейчас он возникает пронзительным, полумистическим взглядом в очередную жертву — которой оказывается на сей раз журналистка «КП». Произнося при этом совсем не подобающую случаю фразу:

— Зачем тебе мое отчество, мать? Зови Витьком.

— Вить, тебе не страшно жить с таким взором?

— Не страшнее, чем без него.

— Ты не больно-то компанейский человек...

— Да, люблю одиночество. Сесть, посидеть у окошечка. Не отшельник, конечно, — люблю иногда потрепаться, но особенно ни с кем не сближаюсь, предпочитаю легкий треп с незнакомыми. У меня и дочь младшая такая же — часами может какую-нибудь фигню в руке вертеть. И взгляд у нее иногда бывает такой же...

— Ты профессиональный актер, почему играешь в театре-студии?

— Во-первых, по профессии я инженер. И шофер — журналисты в свое время этим фактом просто упивались...

— Потому я ездишь на «Волге» с замазанными шапечками?

— Ага! А маленький свой театр я люблю. Роли у меня здесь хорошие, свободных

мест в зале никогда не бывает.

— Ты и в детстве в самодеятельности отплясывал?

— Что ты! В юности, конечно, бренчали с другом на гитарах по подъездам. Потом его брат Валера Белякович стал этот театр создавать. Предложили попробовать. Я подумал: «А почему бы и нет?»

— Ты недавно со съемок...

— Да, снялся в двух фильмах. Первый — мосфильмовский (хотя, это сейчас условно), молодого немецкого режиссера Георга Фризену — «Антифауст». Что-то очень мистическое. Сценарий так и остался для меня неразрешимой загадкой, хотя роль получил главную: некий Гилберт, вернувшийся на Землю, чтобы исправить все свои грехи — убить собственную дочь.

— Убил?!

— Нет, хотя должен был за это отправиться в ад. Простили его, кажется, — я же говорю, так и не понял до конца.

Второй фильм — одесской киностудии «Ченч-два, или Тараканьи бега» — там просто целое созвездие: Харатьян, Светин, Сукачев. Милая комедия на Средиземном море про то, как наших девочек за границу продают.

— А как театр?

— Пока в Москве — играю: Ланцелот, Калигула. «Гамлета», правда, последнее время мы не ставим — гастролировали по Японии, и там вдруг поняли, что он как-то вырос

из этой маленькой сцены.

— Ты не боишься нмиджа «вершителя судеб»?

— Он мне удается, чего ж бояться? Хотя я простецких мужиков играю иногда — таких, какой в жизни.

— Кто тебе все-таки ближе: тонкий аристократ Монте-Кристо или вот этот, сидящий передо мной «Витек»?

— Я просто сочетаю в себе обоих. Но аристократичность не для нашего времени, с ней долго не протянешь. Надо крутиться — сигареты перепродавать, с купонами возиться — на что-то ведь нужно фильмы снимать!

— Ты, видать, пробивной человек?

— Абсолютно нет. Первый раз в жизни сегодня «торговал мордой» на вокзале, как говорит мой сумасшедший друг Садальский. Так бы билеты на поезд не достал...

— ...Двести человек почти не дышали — шварцевский Ланцелот читал свой последний монолог. Авиллов смотрел залу в глаза, а четыреста расширенных зрачков заворуженно глядели в две огромные зияющие бездны. В театральной темноте не приходило скрывать слез. «В пяти годах хольбы отсюда в темной пещере лежит книга, куда записываются все преступления преступников, все жалобы страдающих и плачущих...»

А может, это не Ланцелот? А сам Авиллов — длинноногий благородный хулиган, каждый вечер пытающийся убить своего Дракона?

С. ШАЙДАКОВА.

Фото А. АБАЗЫ.